

УДК 821.161.1(092)

*Г.М. Ребель***ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК ЛЕОНИДА ЮЗЕФОВИЧА**

В статье осуществлен анализ романа Л.А. Юзефовича «Филэллин», в ходе которого основное внимание уделено способу повествования, системе персонажей, типологической характеристике главного героя и жанровым особенностям произведения.

Роман представляет собой свод документов разных жанров, образующих в совокупности рассказ о событиях освободительной войны в Греции в 20-е гг. XIX в. Почти все герои Юзефовича выступают одновременно как субъекты повествования и участники событий. Исключение составляет Александр I, т.к. он «молчит» (его точку зрения транслирует его камер-секретарь Еловский) и «бездействует». Несмотря на значимость фигуры русского императора в сюжете романа, в силу указанных причин, Александр «уступает» место главного героя вымышленному персонажу – Григорию Мосцепанову, судьба которого и образует сюжетную канву романа. Мосцепанов является не только важным участником событий, но и одним из главных субъектов и объектов повествования. Существующим в критике типологическим определениям героя (Дон Кихот, Петрушка, «маленький человек») противопоставлено более соответствующее характеру и судьбе Мосцепанова определение «очарованный странник», которое подтверждается сопоставлением героев Л. Юзефовича и Н. Лескова. Ключевая сюжетная роль русского филэллина, особенности его характера и судьбы во многом определяют жанровую природу произведения как историко-мифологического романа.

Ключевые слова: Л. Юзефович, Н. Лесков, Александр I, Греция, Акрополь, Парфенон, филэллин, очарованный странник, антик, правдоискатель, антипод, способ повествования, система персонажей, история, миф.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-620-627

«Сегодня, как и во времена Цезарей, Греция – пустотелая оболочка того, что когда-то было трапезой богов. С помощью филэллинов греки смастерили из нее чучело, пляшут вокруг него и кричат, что Эллада воскресла» [11, с. 37]. Эти слова Александра Первого могли бы стать эпиграфом к роману Леонида Юзефовича «Филэллин», а в немалой степени – и к прочим историческим фактам, артефактам, легендам и мифам, как и к судьбе самого русского императора. Но не стали. И не потому что их таковыми не сделал автор, а потому, что в созданном писателем мире много разных взглядов, точек отсчета, упований и неожиданных поворотов судьбы – *много жизни*, не укладывающейся даже в самые эффектные афоризмы и аллегории, которыми роман тоже изобилует.

Как замечает один из критиков, историю борьбы греков за независимость от Османской империи в 20-е годы XIX в. здесь «нам рассказывают на много голосов и много жанров» (письма, дневники, записки, памятные записи, журнал императорского камер-секретаря, мысленные разговоры с отсутствующими собеседниками, официальные объяснения), при этом сюжет не только «не провисает и не теряется» [8], но выстраивается в последовательное и увлекательное условно документальное изложение событий и связанных с ними судеб и переживаний.

В центре повествования – вымышленный персонаж, в то время как общеизвестные культовые участники восстания (Байрон, Ипсиланти) служат лишь элементами исторического орнамента.

Несмотря на некоторые разногласия в определении главного героя (в этом качестве рассматриваются Александр I, французский инсургент Фавье (у которого есть реальный прототип – Шарль Николя Фавье), греческий врач Костандис, большинство рецензентов сходится во мнении, что таковым является отставной штабс-капитан Григорий Мосцепанов, выступающий одновременно и субъектом повествования в своих письмах к брату и пермской возлюбленной, и объектом внимания и предметом изображения практически всех остальных повествователей. В плане интенсивности присутствия в тексте и сюжетной значимости с ним сопоставим, пожалуй, только Александр I, но император «молчит» (о нем и его словами говорят другие) и «бездействует», тщательно взвешивая на видимых только его камер-секретарю весах возможные последствия своего вмешательства в ход истории: «Он неизменно старался встать между крайностями, везде и во всем искал среднюю линию» [11, с. 251]. В том числе и поэтому император уступил место главного героя Мосцепанову, который, с точки зрения другого уравнивленного романного персонажа – майора Чихачева, при всех своих «относительно трезвых соображениях <...> вел себя как человек, лишь одной ногой стоящий на почве разума» [11, с. 292].

Мосцепанов, как уже сказано, и говорит, и действует, и неизменно притягивает к себе взгляды самых разных «летописцев», так что главенство его в системе персонажей романа оспорить не получится, но по части типологической идентификации героя критики существенно расходятся.

«Типичным “маленьким человеком”» [9] видит Мосцепанова Ю. Сапрыкин. Однако «маленький человек» физически и психологически пристегнут к месту, к своему социальному статусу и панически боится любых перемен. «Я и уши прижал и глаза зажмурил, сижу себе, не пошевелюсь» [3, с. 91] – вот формула его поведения. И если даже для этого нет ни малейших оснований, вроде допущенной Макаром Девушкиным ошибки при переписывании, то герой этого типа добровольно самоумаливается перед сильными мирами сего вплоть полного самоуничтожения, а то и самоуничтожения (см. «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий» и др. рассказы А.П. Чехова). Сам же критик и опровергает свое определение героя Юзефовича: «Сила его одержимости (которая кажется поначалу нелепой, если не безумной) забрасывает его в пермский острог, невысшим образом притягивает к нему императора, заставляет самого героя несколько раз умереть (в глазах окружающих) и воскреснуть, забрасывает его все на те же склоны Акрополя и <...> делает невольным виновником поворотного события в греческой войне» [9]. Какая уж тут малость – разве только на фоне исторической вечности, которую олицетворяет Акрополь, или космической бездны, в которую вглядывается Еловский. Но относительно последней всё, включая Акрополь, прах и пыль.

Ближе к сути Мосцепанова определение «Дон Кихот», которое В. Владимирский «заземляет» следующим образом: «Нелепый, вздорный, не семи пядей во лбу, склонный к пошлой сентиментальности, этот Дон Кихот из Пермской губернии не испытывает сомнений – ни когда строчит кляузы на приказчиков Нижнетагильских заводов, ни когда под покровом ночи пробирается к осажденному турецкими войсками афинскому Акрополю, обвешанный мешками пороха» [2]. С Владимирским солидарна И. Булкина, усмотревшая в описи документов пропавшего пермского арестанта непрменный атрибут рыцаря – шпагу [1]. Однако и в данном случае, на наш взгляд, нет стопроцентного попадания в тип, ибо не с ветряными мельницами, а с реальными пороками в отечестве и реальными противниками в Греции – всерьез, не на жизнь, а на смерть – сражается отставной штабс-капитан.

Григорий Мосцепанов не «маленький человек», и не Дон Кихот, и не «Петрушка в греческом стане» [4], тем более что два последних персонажа несут в себе ярко выраженное пародийное / балаганное начало, а в Мосцепанове есть чрезмерность и одержимость, но нет комикования и шутовства. Донкихотское же в нем предьявлено скорее в русской тургеневской вариации, реализованной в образе *степного Дон-Кихота* – Чертопханова. Даже фамилии рифмуются, хотя это вряд ли предусмотренный автором эффект.

В целом же Мосцепанов скроен по лесковским лекалам: он *очарованный странник* – своенравный, бесстрашный, дерзкий, дикий, одержимый – *очарованный!* – даже не мечтой, а неукротимым намерением исправить мир в диапазоне от злоупотреблений на местах до утверждения «торжества креста над полумесяцем» [11, с. 9].

Замечательную характеристику своему сопернику дает самый пронзительный и порядочный из пермских чиновников майор Чихачев: «Нечеловеческое упорство в достижении цели, вспышки ярости, перемежаемые длительными периодами угрюмости, завораживающе ритмичная речь с повторением одних и тех же слов, чтобы они, как заклинание, вызвали из небытия обозначаемые ими вещи, наконец, смехотворная уверенность в том, что, бесстрашно обличая начальственные злоупотребления, можно добиться успеха в химии, — всё выдавало в нем маньяка. <...> Если Наталья за эти качества его и полюбила, то полюбит ли меня? Я совсем другой человек» [292]. Полюбит – во всяком случае, не отвергнет, и это оказывается необходимым сюжетным оправданием героя, который не вернется к ней, – потому что не может вернуться на родину.

Мосцепанов тот самый «русский человек [который] со всем справится» [6, с. 145] и за ценой не постоит. Ему, как и Ивану Северьяновичу, суждено «много раз погибать и ни разу не погибнуть» [6, с. 138]. Здесь уместно и второе лесковское определение того же персонажа: «очарованный богатырь» [6, с. 169]. Мосцепанов разыгрывает свою житейскую «драмокомедию» [6, с. 173] на не менее масштабном жизненном пространстве, нежели то, в рамках которого разворачивалась судьба Флягина, но при этом – в контексте реальных исторических событий европейской истории, своим присутствием и судьбой усиливая мифологическую интенцию повествования и даже отчасти придавая ему былинно-сказовый характер.

Приложимы к русскому филэллину и актуальные в лесковском художественном мире аттестации героев как *правдоискателей* и *антиков*. Но если антики Лескова – это скорее странные, старинные люди, чем буквальные покорители пространств, то Мосцепанов в чистом виде *антик*, *правдоискатель* и *странник* – самозванный рыцарь античности *греко-православного исповедания* [11, с. 9], которое он и ринулся со всей своей одержимостью защищать. И ведь сотворил-таки чудо: не говоря уже про то, что из уральской тьмутаракани-тюрьмы добрался до цели, – так еще и решил исход сражения: выбил из боевых рядов героического, но опрометчиво велеречивого Ибрагим-пашу, после чего и камуфляжно многочисленные турецкие боевые ряды бесследно и безболезненно рассеялись.

Еловский, выступающий «рупором» своего императора, полагал, что «гибель Греции придет из Египта» [11, с. 354]. Однако лучший из генералов египетского Мехмеда-Али и его приемный сын Ибрагим-паша – грек по происхождению, выпускник парижской военной школы, поклонник Руссо, впечатливший своей речью предводителя филэллинов Фабье и почти склонивший его принять условия капитуляции, – в момент уже практически сбывшегося пророчества подстрелен русским филэллином. Не убит, а ранен – в результате тот, в ком атаковавшая своими мистическими прозрениями русского императора баронесса Криднер «опознала предреченного Исайей летучего дракона», стал мирным помещиком. В итоге – «буря улеглась, грозовой огонь проблистал и потух. Все обрели покой» [11, с. 374].

И сам Мосцепанов, воцарению этого покоя способствовавший, устройством мирной жизни посреди чужой послевоенной разрухи занялся, вместо того чтобы на родину вернуться, – так что плачевный финал Левши отечественные нравы и держиморды, в соответствии со своими скрепами и традициями, Мосцепанову обеспечить не смогли: руки коротки оказались. Неслыханным кульбитом он их вокруг носа обвел: из недостроенного пермского нужника прямо в сердце православной Европы сиганул. Нарушил-таки все «предначертания судьбы» [11, с. 374], как выразился на его счет краткосрочный пермский губернатор Криднер.

Романный антипод Мосцепанова и его идейный антагонист Александр Благословенный – скептик, погруженный в печальные счеты с жизнью и судьбой, – итоги происходившей вокруг древних руин многонациональной свары прозревал в апокалиптическом образе «изувеченных статуями эллинских богов» на поросшем маками поле: «...маки и мрамор. Алые цветы и белые изуродованные тела». «Кровь и смерть», как резюмирует его секретарь [11, с. 139]. Однако и он в конце концов тоже главной своей частью – сердцем – прильнет к православной святыне, и пророчество-мечта его венценосной бабки хотя бы отчасти осуществится. Для того-то выученный хитроумными еврейскими наставниками греческий врач-«шпион» Костандис и следовал неотступно за Александром до самого его конца.

Проницательность российского самодержца лежит в социально-исторической, политической плоскости и питается опытом, помноженным на ученость. «Греки вчера выучили эти имена, – откликается он на упомянутых братом Константином Перикла и Александра Великого, – но беспрестанно на них ссылаются, иначе никто не даст им кредитов. Они получают их под залог, который им не принадлежит». В сущности, о том же в другом ракурсе говорит Ибрагим-паша, обращаясь к Фабье и возглавляемому им отряду филэллинов: «“Разве вы любите греков? Вы любите ваши фантазии о них, ваши мечты о том, какими они когда-то были и снова станут благодаря вашей опеке. Такие, как есть, они вам не подходят <...> Вы внушили им и себе, что лучшее в вас — от них, вы на равных примете их в свою семью, когда они докажут, что достойны своего великого прошлого, о котором еще не известно, было оно или вы его выдумали, а если было, то им ли принадлежало или совсем другому народу» [11, с. 332].

Эту скептическую изнанку парадно-мифологического портрета Греции знает и документирует не только «французский аристократ либерального толка» [5] Фабье, но и очарованный мечтой о вольной Греции русский филэллин Мосцепанов, оказавшийся в осажденной крепости на той самой горе, что на вырванной из учебника гравюре так манила и завораживала: «Кругом грязь, помои, воняет отхожим местом, Парфенон стоит щербатый, страшный, мраморные девы на Эрехтейоне носы повесили, у кого они есть. Вроде попал в свое же видение: вокруг, как там, враги несметной силой, мы среди них — остров в море, и гора каменная так же высока, и стена крепка, но живем не как братья. Греки меж собой сварятся, чуть не до драки доходит, и нам не больно-то рады. Самим есть нечего, а тут еще триста с лишним ртов к ним пожаловали» [11, с. 341].

Самый чуткий и объективный из летописцев, Костандис по поводу Мосцепанова проницательно замечает: «Вообще он не так прост, как кажется» [11, с. 281]. Совсем не прост. Ни «маленькому человеку», ни Петрушке, ни Дон Кихоту так трезво видеть, точно видеть и понимать житейскую не-

приглядность не дано. Не дана им и присущая Мосцепанову «склонность к иносказаниям» [11, с. 281] и тем более – дар прозрения другой, не лежащей на поверхности житейского опыта правды, свободной от бремени знаний с их неизбежной спутницей – печалью. Это правда *очарованности*, одержимости, которая и делает Мосцепанова неуязвимым субъектом и одновременно объектом не столько не истории, сколько мифологии. Филэллин в романе много, но вынесен в заглавие и титулован в качестве такового именно этот неуемный и неуязвимый «маньяк» [11, с. 292].

«Обличением неправды душа моя очистилась, но с чистой душой в Пермской губернии честно не проживешь» [с.121], – резюмирует он свою тяжбу с российскими чиновниками и на мгновение выходит за отведенные ему сюжетные рамки, чтобы тут же обратно вернуться, зачерпнув из большого времени новую порцию непокорности «разумному» ходу истории и предначертаниям судьбы.

Таких выпадений в актуальную современность в романе немало: «...книга будто бы вся состоит из намеков на сегодняшний день» [8]. Чего стоит, например, рассказ о государственной вертикали царства Птолемея, весь строй жизни которого определялся в столице и регулировался корыстолюбивой бюрократией. И российская бюрократия даже в лице многомудрого и осторожного Александра Первого на отдаленные провинции своих безразмерных владений взирает, как из космоса: секретарь Еловский, застав императора над картой Пермской губернии, замечает: «Он смотрел на нее так, словно земли по Уральскому хребту населяют люди с песьими головами» [11, с. 46]. Вольные и невольные, обидные и смешные параллели не разрушают иллюзию погруженности в романное измерение, а лишь подтверждают устойчивость тенденций. Тем более что перед нами скорее все-таки миф, т.е. обобщенно-символический образ событий, чем история в чистом виде. Поэтому, наверное, и нет здесь главной заботы-маеты последних лет жизни Александра, так подробно описанной Д.С. Мережковским: предчувствия и неспособности (нежелания? невозможности?) предотвратить вызревающий и неизбежный дворянский бунт. Автор «Филэллина» «в натуральных декорациях и с привлечением подлинного антуража эпохи» [11, с.7] вышивает по исторической канве собственные художественные узоры.

Но это не изменяет общую логику событий.

Так или иначе, царства рушатся, погребая под обломками своих владык.

Всемогущего российского императора «проклятый греческий вопрос сделал еще более одиноким, чем прежде», и безоглядно преданный ему Еловский ощущает: «близ царя – близ смерти» [11, с. 131]. Как бы ни молили Аллаха мусульманские подданные «даровать Белому Царю столько лет жизни на земле, сколько звезд на небе», и как бы в ответ ни полыхал небосвод «сплошным белым огнем» [11, с. 138], смерть неотступно идет по пятам и дышит в затылок. Не только неотвратимость собственного скорого конца ощущает Александр – он томится предчувствием гибели своей «Александрии», из которой однажды, так же, как из столицы Птолемея, вслед за таинственной ночной музыкой, навсегда уйдет жизнь.

До этого еще почти столетие, но – «Избежать велений судьбы... Возможно ли это? Существует ли в мире эта сила, которую греки олицетворили в образе Сераписа?» [11, с. 112]

Совместившее в себе греческое и римское могущество языческое божество Сераписа не одолеть, а вот перехитрить пестроцветного Харона, может быть, и получится, хоть на время, – но это скорее дано простым любящим женщинам и *очарованному страннику*, чем даже самым могущественным и бесстрашным воинам-мужчинам. А вот героини романа, находящиеся вблизи субъектов истории, тяготеют сами и тянут своих визави к крайностям: Александра к религиозной мистике – баронесса Криднер, французского инсургента Фабье к мистике плоти – англичанка Пэлхем.

Зараженный сомнением, гамлетовским умствованием и рожистым воспалением от случайного удара взбрыкнувшей лошади, император обречен. *Но примешь ты смерть от коня своего...* Не своего, так чужого: «Судьба часто являет себя в несоразмерности причин и следствия» [135], – резюмирует и пророчествует Костандис.

Инсургент Фабье, жаждавший обрести в Греции «то место на земле, где правда не будет зависеть от племени, а братство – от религии» [69], трезво оценивает реальность: «Я приехал сюда сражаться за свободу людей, которые не так хороши, как мне казалось издали, и должен любить эту страну, помня о той, которую греки сами давно забыли». Но в неумеренном, подогретом неудачей с любовницей рвении научиться жить в Греции «с трещиной в сердце» [11, с. 68], он беспощадно приносит в жертву будущей победе своего соотечественника, молоденького офицера, волею судьбы оказавшегося по другую сторону баррикад: «На этой войне чем больше враг похож на тебя самого, тем он ненавистнее» [11, с. 266], – резюмирует Костандис.

И только очарованный странник Мосцепанов, в отличие от товарищей по борьбе – и от лесковского Ивана Северьяновича, который «на своем веку много неповинных душ погубил» [6, с. 224]! – ни в сознательном, ни в бессознательном состоянии зла не сотворил, даже Ибрагим-пашу не убил, а выбил из строя, тем самым положив конец не начавшемуся кровопролитию. В итоге – он щедро вознагражден исполнением желаний, геройским статусом и – опять-таки в отличие от всех остальных участников этого грандиозного действия – самоотверженной женской преданностью и продолжением рода.

Полемизируя с утверждением, что роман Юзефовича – о любви, К. Мильчин иронизирует: «...любовь в “Филэллине”, конечно, есть: любит Мосцепанов мещанку Наталью, любит, бросает и в Греции женится на медсестре, потому что “почему бы и нет”. Любит и Наталья своего Мосцепанова, хоть и выходит замуж за кого-то другого, потому что надо же хоть за кого-то замуж» [8]. Однако эта трактовка игнорирует логику пути очарованного странника. Мосцепанов – человек миссии, и его женщины – пермячка Наталья Бажина и ее греческая «заместительница» медсестра Криса – осуществлению этой миссии по мере сил и возможностей способствуют. Рождение же дочери Эвангелии становится неопровержимым свидетельством если не праведности, то правомерности выбранного героем пути, чуткости к зову судьбы, верности предназначению: «Не будь моих несчастий, разве был бы я здесь? Путь, которым из земных пропастей я пришел на этот корабль и приду в Афины, ни один человек без высшего водительства совершить не может» [11, с. 309].

В конечном счете всем досталось по вере их и по авторской к ним близости-пристрастию.

Авторский взгляд простирается до тех запредельных далей и высей, откуда, по-видимому, и прозвучало в «Зимней дороге» признание: «Мне трудно объяснить, для чего я написал эту книгу» [10, с. 426]. Трудно, потому что по большому счету – нечеловеческому, лежащему за пределами понимания и приятия счету – это бессмысленно, ибо, как прозревает еще ребенком Костандис, «все на свете кончается плохо» [11, с. 54]. Вглядываясь в ярко сияющие над Пермью созвездия («вот Орион, тут же Гончие Псы, чуть подальше Кассиопея»), затеявший за спиной и за счет обожаемого монарха любовную интрижку, камер-секретарь Еловский «вдруг с пронзительным чувством, словно раньше этого не знал, подумал, что эти волшебные имена ничего, собственно, не обозначают, за ними – пустота, ледяной мрак. С их помощью мы лишь защищаемся от бездонного, безымянного ужаса, оплетаем его гирляндами слов, подвешиваем к нему цветные фонарики» [11, с. 178].

В этой системе координат «новый Агамемнон, победитель Наполеона, величайший и счастливейший из монархов» [11, с. 244] Александр Благословенный, по смерти своей беспощадно искромсанный и превращенный в неузнаваемую мумию, которая два месяца непогребенная лежала в греческом Александровском монастыре, пока, наконец, в сопровождении скромного эскорта не была перевезена в столицу, равен своему камер-секретарю, и Ибрагиму-паше, и филэллину Мосцепанову, и все они, как и множество других-прочих, безответных и безымянных, даже не «цветные фонарики», а неразличимые песчинки ледяного мрака, пустоты.

Но с этим сознанием невозможно жить, и авторская мысль, отворачиваясь от созвездий небесных, устремляется к коллективному обиталищу людей – истории и мифам, рисуя созвездия земные, образованные из детей разных наций и континентов, собравшихся на усеянном маками одичавшем крестьянском поле у подножия Акрополя в твердом убеждении, что не далее чем через три дня именно сюда будет направлено «око мира» [11, с. 265]. Эта «гео-библио-политика» – область компетенции грека Костандиса, который, будучи участником событий, одновременно выступает одним из летописцев, толкователей и авторских alter ego. От его аналитического скальпеля не ускользает и собственный двойственный статус в этом пестром, противоречивом мире:

«Как евреи, мы готовы умереть за веру и удавиться за грош.

Морейские греки по-варварски вольнолюбивы и неприхотливы, а такие, как я и мой отец, расеянные по миру от Африки до Таганрога и Петербурга, еще и в том подобны сынам Израилевым, что или мы всю жизнь ползаем на четвереньках, чтобы крепче держаться на чужой земле, или задираем голову к небесам, чтобы вовсе ее не видеть» [11, с. 278].

У Мосцепанова противоположный взгляд на мир и лелеемый им проект:

«Будущая Греция представляется ему копией России, но без русского казнокрадства, пьянства, несправедного суда и матерного сквернословия» [11, с. 279], а в этом идеале, «как в кривом зеркале» (почему же кривом?), отразились мечты Фабы «о свободной Греции, подающей пример всему человечеству» [11, с. 280].

Реальная Греция, уставшая от филэллинских мечтаний и «нравоучений» [11, с. 281], помаленьку начинает оправляться от словесных и военных баталий и жить своей жизнью, олицетворением которой в романе незаметно оказывается маленькая Эви – плод гармоничного союза и взаимной любви гречанки и русского.

Но почему в уста девочки вложена «Ворона и лисица»? Неизгладимый след давних образовательных потуг ее отца? Или воздушный мост от русского «дедушки Крылова» все в ту же Грецию, к общему «праотцу» Эзопу?

«Уж сколько раз твердили миру...» [11, с. 374]

Тверди не тверди, а люди делают все те же ошибки, впадают все в ту же ересь и глупость, разоряют и уродуют землю, а потом оплодотворяют и украшают ее заново. Развлекаются, чтобы не поминуть про ледяную вечность и неодолимый мрак?..

* * *

Критические отклики о романе, число которых множится с каждым днем, в определенной степени воспроизводят его собственную структуру: многовекторность суждений, намерений и оценок.

«Война, ее миф, ее тени притягивают к себе действующих лиц романа, они словно кружат вокруг невидимого центра, приближаясь к тому самому магнитному полюсу – легендарному холму, с которого началась история Европы, древнему Акрополю, на вершине которого высится Парфенон» [9]. Эти строки Ю. Сапрыкина – своего рода метафора восприятия романа, втянувшего в свое магнитное поле людей разных эстетических пристрастий и идеологических воззрений. «Филэллин» притягивает, интригует, озадачивает, провоцирует, раздражает, но не отпускает, и даже если кого-то и разочаровывает в итоге, то это разочарование не романом, а изображенным в нем устройством мира.

«...ни одному из героев не удаётся донести до конца тот багаж из идеалов, представлений о добре и справедливости, с которым они начинали» [5], – считает автор «тафофилистической» концепции В. Левенталь. Однако финальная сцена романа, действительно происходящая на кладбище, у памятника, под которым покоится сердце Александра Первого, получает в самом романе противоположную интерпретацию.

Навсегда оставшийся камер-секретарем своего любимого императора Игнатий Еловский в октябре 1835 года, по прошествии десяти лет со времени описанных событий, наблюдая за Мосцепановым, свидетельствует в своем дневнике: «Чувствовалось, что он доволен прогулкой, моим обществом, женой, дочерью, всей своей прошлой и нынешней жизнью. Тем, что сердце государя, всегда искавшее покоя, нашло его, как и он сам, здесь, в Греции, – тоже» [11, с. 380].

Лесковский очарованный странник, ощутив в себе «наитие вещательного духа», «о родине плакал» и «войну пророчествовал» [6, с. 233]. Мосцепанов, раз и навсегда замороженный увиденным в библиотечном томе изображением Парфенона, стоявшего «инвалидом с той поры, как в нем турецкий порох взорвался» [11, с. 11], добровольно (самовольно!) ввязался в войну за восстановление святыни и при этом споспешествовал скорому и бескровному завершению битвы с казавшимся непобедимым противником.

Флягину хотелось «за народ <...> помереть» [6, с. 234], а Мосцепанову хочется жить в мире, образ которого он уже частично исправил, в соответствии со своими представлениями, и который дальше усовершенствовать надеется. И письмо его к оставленной навсегда пермской зазнобе – не похоронный плач, а плодотворная влага: «Всех жалко до слез – и тебя, и себя, и государя покойного, и греков» [11, с. 307].

Нет, не «безбашенный русский фатализм» [7] ведет к Парфенону русского филэллина, а неукротимая животворная сила *очарования*, образом-символом которой завершается роман: брачные песни птиц замолкли всего лишь до следующей весны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булкина И. Ниже травы и выше леса // Новый мир. 2021. № 3. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_3/Content/Publication6_7710/Default.aspx?fbclid=IwAR01qZaq-zcRQgDPwIoZxdIqAnK0mMQsG4Ylk0b5mxGxC-jjvBrXb_ZgCvY
2. Владимирский В. Дон Кихот из Пермской губернии. Чем интересен новый роман Леонида Юзефовича // Санкт-Петербургские ведомости. № 35 (6873). 02.03.2021 // URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kikhot-iz-permskoy-gubernii-chem-interesen-novyy-roman-leonida-yuzefovicha/>

3. Достоевский Ф.М. Полное собрание соч. в 30 т. Т. 1. Л.: Наука, 1972.
4. Каменева Н. Петрушка в греческом стиле // Прочтение. URL: <https://prochtenie.org/reviews/30527?fbclid=IwAR3CFfbLBE6w9BnW9q43pco48w4UzdrvOHRBU5g1FWOf6zNJFDZ7ZGAdPxI>
5. Левенталь В. Филэллин и тафофилия // Литературная газета. № 1-2 (6767). 13.01.2021. URL: <https://lgz.ru/article/-1-2-6767-13-01-2021/filellin-i-tafofiliya-/?fbclid=IwAR2R1As87IK1UK2FuLhzeA-g7mDFGn6TC0T1wMjrE8k8c49jaQfqp4Aтc00>
6. Лесков Н. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1979. 558 с.
7. Маслова Л. Смертный грек: филэллинские грезы в романе Леонида Юзефовича. Освобождение Греции в философских письмах и военных реляциях // Известия. 2 декабря 2020. URL: <https://iz.ru/1095993/lidiia-maslova/smertnyi-grek-filellinskie-grezy-v-romane-leonida-iuzefovicha>
8. Мильчин К. Моя большая греческая революция: «Филэллин» Юзефовича – роман-мост между эпохами. URL: <https://www.buro247.ru/culture/books/5-feb-2021-yuzefovich-new-novel.html>
9. Сапрыкин Ю. «Филэллин» – роман об уральском вояке, который борется за независимость Греции от Османской империи. URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/07/filellin-roman-ob-uralskom-voyake-kotoryy-boretsya-za-nezavisimost-gretsii-ot-osmanskoj-imperii>
10. Юзефович Л. Зимняя дорога. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 430 с.
11. Юзефович Л. Филэллин. М.: АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. 384 с.

Поступила в редакцию 11.04.2021

Ребель Галина Михайловна, доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории, истории литературы и методики преподавания литературы
ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: ranilag@yandex.ru

G.M. Rebel

THE ENCHANTED WANDERER BY LEONID YUZEFOVICH

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-620-627

The article analyzes the novel “Philellin” by L.A. Yuzefovich, the main attention is paid to the method of narration, the system of characters, the typological characteristics of the main character and the genre features of the work.

The novel is a collection of documents of different genres, which together form a story about the events of the liberation war in Greece in the 20s of the XIX century. Almost all of Yuzefovich's characters act simultaneously as subjects of the narrative and participants in the events. The exception is Alexander I, because he is “silent” (his point of view is broadcast by his secretary Yelovsky) and “inactive”.

Despite the importance of the figure of the Russian emperor in the plot of the novel, for these reasons, Alexander “gives way” to the place of the main character to a fictional character – Grigory Mossepanov, whose fate forms the plot outline of the novel. Mossepanov is not only an important participant in the events, but also one of the main subjects and objects of the narrative.

In literary criticism, the hero is given typological definitions of Don Quixote, Petrushka, “a little man”.

This article offers a more appropriate definition of the character and fate of Mossepanov – “enchanted wanderer”, which is confirmed by the comparison of the characters of L. Yuzefovich and N. Leskov.

The key plot role of the Russian philhellene, the peculiarities of his character and fate largely determine the genre nature of the work as a historical and mythological novel.

Keywords: L. Yuzefovich, N. Leskov, Alexander I, Greece, Acropolis, Parthenon, Philhellene, Enchanted Wanderer, antique, truth-seeker, antipode, method of narration, character system, history, myth.

REFERENCES

1. Bulkina I. Nizhe travy i vyshe lesa // Novyj mir [Below the grass and above the forest // Novy mir. 2021. № 3. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_3/Content/Publication6_7710/Default.aspx?fbclid=IwAR01qZaq-zcRQgDPwloZxdIqAnK0mMQsG4Ylk0b5mxGxC-jjvBrXb_ZgCvY. (In Russian)
2. Vladimirovskij V. Don Kihot iz Permskoj gubernii. Chem interesen novyj roman Leonida Yuzefovicha // Sankt-Peterburgskie vedomosti [Don Quixote from the Perm province. What is interesting about the new novel by Leonid Yuzefovich? // Saint-Petersburg vedomosti] № 35 (6873). 02.03.2021. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/don-kihot-iz-permskoj-gubernii-chem-interesen-novyuy-roman-leonida-yuzefovicha/> (In Russian)

3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie soch. v 30 t. T. 1. [Dostoevsky F.M. Complete collection of Op. 30 vol., vol. 1] L.: Nauka, 1972. (In Russian)
4. Kameneva N. Petrushka v grecheskom stile [Petrushka in the Greek style] Prochtenie. URL: <https://prochtenie.org/reviews/30527?fbclid=IwAR3CFfbLBE6w9BnW9q43pco48w4UzdrvOHRBU5g1FWOf6zNJFDZ7ZGAdPxI>. (In Russian)
5. Levental' V. Filellin i tafofiliya [Leventhal V. Filellin and tafophilia] Literaturnaya gazeta. № 1-2 (6767). 13.01.2021. URL: <https://lgz.ru/article/-1-2-6767-13-01-2021/filellin-i-tafofiliya-/?fbclid=IwAR2R1As87IK1UK2FuLhzeA-g7mDFGn6TC0T1wMjrE8k8c49jaQfqp4Arc00>
6. Leskov N. Izbrannye sochineniya. M.: Hudozh. lit., 1979. 558 s. [Selected works. M.: Art. lit., 1979. 558 p.]. (In Russian)
7. Maslova L. Smertnyj grek: filellinskie grezy v romane Leonida Yuzefovicha. Osvozhdenie Grecii v filosofskih pis'mah i voennyh relyaciyah // Izvestiya. 2 dekabrya 2020 [The Mortal Greek: Philhellenic dreams in the novel by Leonid Yuzefovich. The Liberation of Greece in Philosophical letters and military relations // Izvestiya. December 2, 2020]. (In Russian)
8. Mil'chin K. Moya bol'shaya grecheskaya revolyuciya: "Filellin" Yuzefovicha – roman-most mezhdu epohami [Milchin K. My Great Greek Revolution: "Philhellene" by Jozefovich-a novel-a bridge between epochs]. URL: <https://www.buro247.ru/culture/books/5-feb-2021-yuzefovich-new-novel.html>. (In Russian)
9. Saprykin Yu. "Filellin" – roman ob ural'skom voyake, kotoryj boretsya za nezavisimost' Grecii ot Osmanskoj imperii ["Philellinus" is a novel about a Ural soldier who fights for the independence of Greece from the Ottoman Empire] URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/07/filellin-roman-ob-uralskom-voyake-kotoryj-boretsya-za-nezavisimost-gretsii-ot-osmanskoy-imperii>. (In Russian)
10. Yuzefovich L. Zimnyaya doroga. M.: AST : Redakciya Eleny Shubinoj, 2015. 430 s. [Winter Road. Moscow: AST: Editorial Office of Elena Shubina, 2015. 430 p.]. (In Russian)
11. Yuzefovich L. Filellin. M.: AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2021. 384 s. [Filellin. M.: AST: Editorial Office of Elena Shubina, 2021. 384 p.]. (In Russian)

Received 11.04.2021

Rebel G.M., Doctor of Philology, Associate Professor, at Department of theory, history of literature and methods of teaching literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614990
E-mail: ranilag@yandex.ru